

Так обращался к своим читателям известный древнерусский писатель XVII в., видный деятель и духовный руководитель раскола, протопоп Аввакум Петров (1621—1682). XVII столетие на Руси — это время больших потрясений (Смута, раскол) и серьезных перемен. В периодизации древнерусской словесности его принято считать переходным от литературы средневекового типа к литературе Нового времени. Конечно, кому бы раньше пришло в голову писать житие про самого себя! Житие предполагало описание жизни святого, канонизированного церковью, писалось в соответствии со строгими канонами, изобиловало общими местами. Но парадокс заключается в том, что Аввакум именно и осознавал свое произведение как наиболее традиционное, хотя на самом деле сломал все возможные каноны и традиции.

Основная идея Жития Аввакума заключается в том, чтобы доказать своей жизнью правильность той точки зрения, которую он защищал, тех убеждений, ради которых он поплатился карьерой, свободой, а потом пошел на костер. Так в чем же заключались разногласия Аввакума с официальной церковью и государственной властью?

История раскола началась с деятельности небольшого кружка "ревнителей благочестия", который возглавлял Стефан Вонифатьев, духовник молодого царя Алексея Михайловича. Церковные реформы, проводившиеся членами этого кружка, должны были укрепить церковную дисциплину, искоренить народные суеверия, установить строгие и единообразные нормы богослужения и порядка. Эти реформы проводились в соответствии с общегосударственными центра-лизаторскими административными преобразованиями того времени и опирались на средние слои церковной иерархии. Активной деятельностью в этом направлении занялись энергичные молодые священники: Новоспасский архимандрит Никон (впоследствии Патриарх всея Руси) и сельский поп, а затем протепоп города Юрьевца-Повольского, Аввакум Петров.

Именно эта церковная преобразовательная деятельность и явилась причиной конфликтов молодого священника с начальством и прихожанами. Согласно с общей концепцией Жития уже в этих эпизодах Аввакум изображает себя мучеником за веру, чья жизнь представляет собой бесконечную цепь страданий. Одни раз "ревнителя благочестия" "до смерти задавили", но он "оживе Божиимъ мановениемъ"; в другой раз "инъ начальникъ" "у руки огрызъ персты, яко песь зубами", а потом стрелял из пищали, которая чудесным образом "не стреляла". После возвращения из Москвы, где Аввакум был представлен царю, он нашел свой дом разоренным, потом поссорился с Василием Петровичем Шереметевым, так как не хотел благословить его сына "бритобратца" (т. е. обрившего бороду). Но уже и эти эпизоды, когда Аввакум не подвергался официальным гонениям властей и церкви, а, напротив, только начинал свою карьеру, воспринимаются им как образы святого мученичества: "А се помолил Бога сице: "Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроишь! Аще меня задуют — и Ты

причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут — и Ты причти мя з Захариєю пророком; а буде в воду посадятъ — и Ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!" И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию".

Аввакум старательно и ревностно выполнял намеченные преобразования, выколачивал подати из своих прихожан, но из всех членов кружка Никон был наиболее удачливым и вскоре был избран патриархом (1652 г.), сосредоточив в своих руках власть и богатства. Вот как описывает эти события Аввакум в своем Житии: "<...> и с митрополитом казанским Корнилием, написавъ челобитную за руками (за подписями. — Е.Р.), подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона-митрополита. Царь его и послушал, и пишет к нему послание на-встречу <...>. Егда приехал (Никон. — Е.Р.), с нами, яко лись: челом да здорово! Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорять! Егда поставили патриархом, такъ друзей не стал и в Крестовую пускать (палата Кремля. — Е.Р.)". Первое столкновение Аввакума с Никоном произошло на почве того, что Никон, получив власть, стал высказывать недовольство результатами "работы" Аввакума. Впоследствии протопоп вспоминал: "Никон мучил меня на Москве, был по ногам по правее недели с три по вся дни без милости", "Стефан (царский духовник. — Е.Р.) деньги ему, патриарху, давал за окуп, и на всяк день зря из ног моих полны голенищи крови плакал".

Фактически Никон продолжал дело, начатое Стефаном, но в его трактовке реформы приняли общегосударственный характер регламентации всей идеологической жизни страны. Церковное правление Никона стало единовластным. Основой этому послужила православная редакция католической теории о том, что "священство" выше "царства". Таким образом Никон стал уверенно продвигаться к "диктатуре". Среднему духовенству, к которому принадлежал и Аввакум, это понравиться не могло. Кроме того, реформы Никона носили явно "грекофильский" характер. Сельские же священники, хотя и поддерживали дисциплину и регламентацию, все таки в области церковного и бытового обихода были прочно связаны с русскими национальными традициями. Отсюда и пошли все известные обрядово-богословские споры о том, сколько раз произносить "аллилуйя", как складывать персты, чтобы перекреститься, и др. В ходе подавления сопротивления среднего духовенства Никон расправился с непокорной "братией". "На утро архимандритъ з братьею пришли и вывели меня, журят мне: "Что патриарху не покорис-ся?" А я от Писания его браню да лаю". Аввакума тогда сослали с женой и детьми в Сибирь (Тобольск—Енисейск—Даурия). Но и там Аввакум не угомонился. У него опять стали возникать конфликты и с начальством, и с прихожанами, которые он объясняет, скорее, не столько идеологическими или обрядовыми расхождениями, сколько тем, что дьявол постоянно подвергает протопопа испытаниям: "Архиепископъ в Тобольске к месту устроил меня. Тутъ у церкви великия беды постигоша меня: в полтора годы пять словъ государевых (доносов. — Е.Р.) сказывали на меня, и единъ некто, архиепископля двора дьякъ Иванъ Струна, тогъ и душею моею потряс. Съехалъ архиепископ в Москве, а онъ без иево, дьявольским научением напалъ на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотело. Он же, Антонъ, утече у него и прибежало во церковь ко мне. Той же Струна Иванъ, собрався с людми, во инъ день прииде ко мне въ церковь, — а я вечерню пою, — и въскочилъ в церковь, ухватилъ Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никою не пустилъ, — одинъ онъ, Струна, в

церкви вертится, что бесъ. И я, поки-ня вечерню, с Антоном посадилъ ево среди церкви на полу и за церковный мятежъ постегал ево ремнем нарочито-таки. А прочий, человекъ з дватцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны принявъ, паки от-пустилъ ево к себе". В этом отрывке обращает на себя внимание то, что Аввакум уже не стесняется изображать свою непосредственную реакцию на события: он прерывает вечерню (!), чтобы наказать церковного "мятежника" и отстегать его ремнем. Правда, впервые в русской литературе богоугодное дело так явно не закончила Феврония из "Повести о Петре и Февронии Муромских" (XVI в.), но там она не дошла перед смертью воздух для того, чтобы выполнить обещание перед смертным, своим мужем Петром, с которым должна была одновременно отойти к Богу. Здесь же Аввакум спасается от "мятежников" не молитвой, как можно было бы ожидать согласно каноническому поведению святого, а тем, что с помощью физической силы расправился с Иваном Струной. Поэтому остальные, находящиеся вне церкви, убежавшие, по словам Аввакума, "гоними духом святым", вероятно, просто испугались, узнав о позоре своего предводителя.

Борьба с Никоном и те страдания, которые испытал Аввакум за время ссылки, придали ему уверенность в своих убеждениях и осознание себя пророком. Карьера Никона оказалась стремительной, но недолгой. В 1658 г. он демонстративно и самовольно оставил патриарший престол, так как попал в царскую опалу. Однако реформы, начатые Никоном, были продолжены. Поэтому, когда Аввакум был возвращен из сибирской ссылки (1664 г.) в Москву, он попытался уговорить царя вернуться к "древнему благочестию": "Ви-дягъ оне, что я не соединяйся с ними. Прика-заль государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтобы я молъчалъ, и я потешил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренекъ до меня, чаял, либо помаленку исправится. <...> Да так-то с полгода жилъ, да вижу, яко церковное ничто же успеваает, но паче польза бывааетъ, паки заворчалъ, написавъ царю многонько-таки, чтобы он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь, от ересей оборонилъ и на престолъ бы патриаршеский пастыря право-славнова учинилъ вместо волъка и отступника Никона, злодея и еретика. <...> И с тех пор царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять я сталъ говорить, либо имъ, как мол-чу, да мне такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истину, не стали к прелесной их службе ходить". Аввакума сослали в Мезень, а затем на соборе 1666—1667 гг. отлучили от церкви. С 1667 г. уже до конца жизни Аввакум томился в пусто-зерской тюрьме, срубе, зарытом в землю. В это время неистовый протопоп стал окончательно независимым от официальной церкви, прокляв церковный собор 1666—1667 гг. (недаром описание этого собора в его изложении напоминает суд над Христом). Состоялся раскол Русской Православной Церкви. Одним из основных руководителей этого движения был протопоп Аввакум, ставший в пустозерском заключении не только духовным вождем, но и писателем.

Аввакум считал свои произведения традиционными не совсем без основания. Он использует и канонические правила, и принятые литературные приемы. Но новое содержание (описание своей жизни, осознание своей святости, заслуженной не подвигом монашеского аскетизма, а борьбой с церковной иерархией и государственной

церковью) диктует и иные выразительные возможности. В традиционной зачатке, где автор жития обычно объясняет причины, побудившие его взяться за описание жизни святого, молится о помощи и произносит слова самоумаления, Аввакум пишет о том, что "понужень бысть житие свое написати иноком Епифанием, <...> да не забвению предано будет дело Божие...", то есть с первых же строк заявляет о том, что его дело и есть "дело Божие". Благоверные родители, необходимые святому по житийному канону, выглядят у Аввакума вполне достоверно: "Отець ми бысть священник Петръ, мати — Марія, инока Марфа. Отець же мой прилежаше пития хмель-нова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаша мя страху Божию". Но уже в коротком рассказе о родителях и о детстве появляется тема страдания: "Потом мати моя овдовела, а я осиротель молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. <...> Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице, аз же от изгнания пре-селихся во ино место".

Но в Житии Аввакум-герой не только страдалец. Аввакум-автор заставляет героя преодолеть все испытания с помощью юмора, насмешки или издевательства над своими мучителями: "Онъ меня лаает, а я ему рекль: "Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!"; "Барку от берегу оторвало водою, — людские стоять, а мою ухватило, да и понесло! <...> Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней полъзаю, а самъ кри-чю <...>. Я, вышедъ из воды, смеюсь, а люди те охаютъ <...>. А Пашков меня же хочеть опять бить: "Ты де, над собою делаешь за по-смехъ!" И я паки свету-Богородице докучать: "Владычице, уйми дурака тово!" Такъ Она, надежа, уняла: сталь по мне тужить"; "Десеть лет он меня мучил, или я ево — не знаю; Бог розбе-рет в день века".

Особую роль в произведении Аввакума играют тоже, казалось бы, такие традиционные приемы, как видения и чудеса. Как и ранее в житиях, они выполняют в сочинении Аввакума дидактическую и иллюстративную функции. Но, сохраняя житийную схему, эпизоды эти все более и более приближаются к реально-биографическому рассказу. Например, во время заключения в Андрониевом монастыре к Аввакуму явился "не вемъ — ангель, не вемъ — человекъ" и накормил его щами. Чудо-то оно, конечно, чудо, только Аввакуму было бы более чудно увидеть в такой ситуации человека: "А что же ангель? Ино нечему дивитца — везде ему не загорожено". Небесные силы покровительствуют герою, подтверждая тем самым его святость. Именно поэтому Аввакум показывает, что ^ного раз спасался, когда гибель казалась неминуемой. Эти рассказы как раз более всего связаны с реальными биографическими событиями из жизни Аввакума.

"Русский природный" язык Аввакума — это отдельная тема. Отметим только, что свое "вяканье" писатель противопоставлял литературному языку как языку официальной церкви, а следовательно, так же, как и она, утратившему признаки древнего благочестия.

А заключить этот короткий рассказ об одном из самых известных памятников древнерусской литературы нам бы хотелось словами современного исследователя А.Н.Робинсона. Изучая не только Житие Аввакума, но и жизнеописание его друга и соратника Епифания, А.Н.Робинсон пришел к выводу, что использование традиций и одновременно их нарушение служит тому, "чтобы воссоздать в воображении своих читателей и последователей представление о себе как о живых современниках и в то же время как об апостолах "старой веры". Историко-литературное значение жития

Неистовый Аввакум

Автор: Administrator
27.06.2012 00:00 -

Аввакума ученый видит в том, что оно стало "одним из самых ярких проявлений начала общего перелома в развитии русского литературного процесса во второй половине XVII в."

Е. РОГОЧЕВСКАЯ